

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 5, pp. 1111–1121, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.2: 821.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-1121

Сюжетные звенья калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» в записи от Ш. Д. Дорджиева (1893–1984): содержательный состав

Евдокия Эрэндженовна Хабунова¹, Цеценбат Цеценбат²

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Институт национальных литератур Китайской академии общественных наук (5, Цзяньго мэнь нань дацзе, 100732 Пекин, КНР)

доктор философских наук, профессор

E-mail: khabunova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Хабунова Е. Э., Цеценбат Ц., 2021

Аннотация. В статье проводится анализ содержания сюжетных звеньев калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» (*Геср богдын туск тууж*), записанного в 1982 г. у Ш. Д. Дорджиева (1893–1984) и ранее неисследованного. В ней рассматривается характер выстраивания сказителем структурно-содержательной модели сказания, обнаруживаются аналогии с элементами других эпических повествований о Гесере. *Материалы и методы.* Исследование базируется на материале записей Ш. Д. Дорджиева «Сказания о Гесере-богдо», в статье особое внимание уделяется методологическим обобщениям С. Ю. Неклюдова в области определения схемы типовых элементов монгольского эпоса. В результате исследования выявлено, что в сюжетной структуре «Сказания о Гесере-богдо» Ш. Д. Дорджиева присутствует набор мотивов, стандартных для эпических нарративов о Гесере и логически последовательных (небесное происхождение, трудное детство, женитьба, демоноборчество и др.), но модифицированных в плане содержания отдельных деталей повествования. В рассмотренном нарративе явно просматриваются две сюжетные линии (матримониальная и воинская), отражается память калмыков об особом предназначении Гесера — воина, победителя демонов. Автор исследования приходит к выводу, что калмыцкое «Сказание о Гесере-богдо» Ш. Д. Дорджиева создавалось на базе известных сюжетных и мотивных инвариантов устных версий Гесериады, но дополнено творческими комбинациями и замыслами сказителя.

Ключевые слова: Гесериада, типовые элементы эпоса, устная традиция, калмыки, «Сказание о Гесере-богдо», сказитель, сюжетные звенья, содержательный состав

Благодарность. Исследование проведено в рамках проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)».

Для цитирования: Хабунова Е. Э., Цеценбат Ц. Сюжетные звенья калмыцкого «Сказания о Гесере-богдо» в записи от Ш. Д. Дорджиева (1893–1984): содержательный состав // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 1111–1121. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-1121

The Legend of Geser Bogdo Recorded from Sharlida Dordzhiev (1893–1984): Essentials of Kalmyk Plot Elements Reviewed

*Evdokia E. Khabunova*¹, *Tsetsenbat Tsetsenbat*²

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor.

 0000-0002-2113-6877. E-mail: khabunova@mail.ru

² Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (5, Jiannei Dajie, 100732 Beijing, People's Republic of China)

Ph. D., Professor

E-mail: khabunova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khabunova E. E., Tsetsenbat Ts., 2021

Abstract. *Introduction.* The article *aims* to analyze the plot lines of the Kalmyk ‘Gesr bogdyn tusk tuuj’ (*The Legend of Geser Bogdo*), performed by Sh. D. Dordzhiev and written down in 1982. So far, the legend has not been examined. The present authors begin with analyzing the way the storyteller composes his narrative in terms of structure and content, while identifying parallels with other epic narratives of *Geser*. *Materials and methods.* The study focuses on The Legend of Geser Bogdo recorded from Sh. Dordzhiev, and special attention is paid to S. Neklyudov’s methodological generalizations on the scheme of typical elements within Mongolian epic narratives. *Results.* The analysis shows that the plot structure of *the Legend of Geser Bogdo* in question includes a set of motifs that are standard for *Geser* epic narratives and are logically consistent (heavenly origin, difficult childhood, marriage, demonic fight, etc.). At the same time, individual details of the narrative were modified to a degree. Two storylines (matrimonial and military) are clearly indicated by the narrative, which reflects the memory of Kalmyks of the special character of Geser, the warrior and the defeater of demons. The authors *conclude* that the Kalmyk *Legend of Geser Bogdo* was based on the well-known invariants of plot lines and motifs in the oral versions of Geser epic, creatively modified when performed by the narrator.

Keywords: Geser, typical elements of the epic, oral tradition of the Kalmyks, *Legend of Geser Bogdo* storyteller, plot lines, content composition

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS, project no. 19-512-93002 ‘Folklore of Silk Road Peoples: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia — from Folktale to Epic’.

For citation: Khabunova E. E., Tsetsenbat Ts. *The Legend of Geser Bogdo Recorded from Sharlida Dordzhiev (1893–1984): Essentials of Kalmyk Plot Elements Reviewed*. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (5): 1111–1121. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1111-1121

Введение

Эпические нарративы о Гесере¹ имели распространение на обширных территориях Центральной Азии и Южной Сибири, бытовали они в письменной и устной форме и среди калмыков, обосновавшихся в европейской части России в начале XVII в. Популярность Гесериады способствовала распространению известных сюжетов путем устной передачи, что создало благоприятные условия для их вариативности, для появления новообразований и «малых» форм эпоса. «Мастера эпоса при усвоении новых текстов сочетали запоминание сюжетной стороны, „тематических“ элементов с элементами заучивания. Тем самым вновь рождавшийся „новый“ текст заключал в себе верность традиции, „родство“ с источником, но также и вариативное начало» [Путилов 1997: 71]. Калмыцкие сказители также старались сохранить инвариантное начало сюжета и типовые сюжетные элементы при устной передаче эпического повествования.

Материалы и методы

Методы источниковедческого и текстологического описания текстов, анализа содержательного наполнения и структурного воплощения сюжетных элементов [Путилов 1976; Неклюдов 2019], используемые в исследовании с учетом морфологической схемы В. Я. Проппа [Пропп 1928] и наблюдений отдельных ученых, находивших в устной повествовательной традиции калмыков совпадения с эпическими памятниками других монгольских народов [Михайлов 1971; Неклюдов 1984; Кичиков 1992; Овалов 2004; Дамдинсурэн 2013; Дамринжав 2006; Цэцэнбат 2015; Селеева 2019; и др.], направлены на выявление сюжетных особенностей ранее неизвестного «Сказания о Гесере-богдо» калмыцкого сказителя Ш. Д. Дорджиева. Отмечая «разновременность, разножанровость текстов» Гесериады и, обобщив опыт описания сюжетной структуры монгольского эпоса монголоведами [Борджанова 1978; Кичиков 1978; Порре 1979; Heissig 1979; и др.], С. Ю. Неклюдов

показал в общих чертах картину некой исходной сюжетной схемы эпической традиции монгольских народов, в которой отметил 29 тематических рубрик, иллюстрирующих содержательный состав монгольского эпоса [Неклюдов 2019: 66–67], а в «каталоге мотивов (с введенными в него более общими рубриками)» выделил 58 типовых элементов [Неклюдов 2019: 66–73]. Обнаружение аналогичных сюжетных звеньев монгольского эпоса или их отсутствие в калмыцком эпическом нарративе «Сказание о Гесере-богдо», записанного в 1982 г. у Шарлда Дорджиева автором данной статьи в селе Малые Дербеты, анализ содержания ключевых моментов сюжета представляется *целесообразным* в плане изучения процесса жизнедеятельности устной эпической традиции, оторванной временем и пространством от традиционной (общемонгольской) реальности и фольклорной среды, в аспекте определения сюжетного инварианта, в котором «аккумулируются наиболее содержательные, определяющие и устойчивые моменты» [Путилов 1988: 138].

Сюжетные линии и основные мотивы сказания о Гесере

В «Сказании о Гесере-богдо» Ш. Д. Дорджиева, оригинальный и переводной тексты которого опубликованы [Хабунова 2021], явно проступают две сюжетные линии: о появлении Гесера-богдо на земле с целью избавить её от холода (она связана с историей непредвиденной женитьбы героя) и о его втором пришествии для уничтожения демонических существ (Анжлулы и его супруги). Сюжетный замысел «Сказания о Гесере-богдо» Шарлды Дорджиева находит свою реализацию через ряд мотивов и элементов, иллюстрирующий событийность повествования в его последовательности:

- рождение героя;
- стремительный рост;
- конфликтная ситуация;
- изгнание из социума;
- проявление чудесных качеств;
- добывание коня (имитация обретения коня: конская голова на палке);
- встреча с ханской дочерью;
- женитьба (обманным путем);

¹ В калмыцкой традиции принято написание имени богатыря — *Гесер*, а в монгольской и бурятской традициях — *Гэсэр*.

- построение дворца в безлюдном месте;
- демонстрация богатырских качеств;
- визит хана-тестя;
- ночные исчезновения Гесера;
- слежка супруги (шулмуски);
- тайные встречи Гесера с Хурмуста Тенгрием;
- попытка Гесера-богдо избавить землю от холода;
- выяснение золотого аркана у Хормуста Тенгрия, чтобы устранить лишнюю звезду из плеяды «Семь сестер»;
- нарушение запрета (подглядывание супруги-шулмуски);
- исчезновение Хурмуста Тенгрия;
- новое перерождение Гесера (появляется на горе Богдо в статусе богатыря);
- миссия избавить людей от шулмусов (дневных);
- появление противников (Анжлула и его супруга) на горе Цастын Цаган Уул;
- поединок Гесера и Анжлулы;
- помощь небесного брата Санджи;
- установление мира и благополучия на земле [Хабунова 2021: 387].

Рассмотрим содержание отдельных элементов сказания для иллюстрации общности, которая «проявляется в ряде опорных пунктов сюжетного развития, в узловых (а подчас и второстепенных) мотивах» [Путилов 1988: 138]. Совпадения в сюжетном корпусе другого калмыцкого сказания «Гесер Богдо хан» с «главами известных сводов тибетских и монгольских версий эпического памятника» отмечены Ц. Б. Селеевой [Селеева 2019: 230–252].

Происхождение героя

Рождение героя показано довольно прозаично в зачине рассматриваемого сказания: *Кезэнэ, ик кезэнэ болжана, нег хаана нутгт, хаана цахрт нег күүкд кун залу хойрас нег көвүн харч* ‘Давно, очень давно, в одном ханстве, в ханском *цахаре* [поселение дворовых людей, прислуги] от одной женщины и мужчины родился сын’¹ [Хабунова 2021: 390].

О небесном происхождении Гесера и его земной миссии в устном повествовании нашего текста сообщается позже: *Хурмст Теңгрин көвүн тер, Геср богд <...> Геср богд үүлдэд / харч ирэд, шулмиг дархар <...> Ки-*

итн болад, тигэд мөч авхин төлэд эн хазрт үүдэд, эн хазриг яһад бээсн болжана Геср богд гидг кун ‘Он сын Хурмуста Тенгрия, Гесер богдо <...> Гесер богдо был создан и прибыл, чтобы уничтожить бесов *шулмусов* <...> Человек, которого звали Гесер-богдо, был рожден для того, чтобы убрать ту звезду и избавить эту землю от холода’ [Хабунова 2021: 393].

Отмеченные сюжетные звенья семантически совпадают с мотивом, обозначенным в каталоге, составленном С. Ю. Неклюдовым: «создание героя небесными богами, которые посылают его в мир для уничтожения злокозненного мангаса» [Неклюдов 2019: 68]. Мотив «рождения героя в отсутствии отца», отмеченный в вышеназванном рубрикаторе, в калмыцком нарративе заменен констатацией сиротства героя: *Көвүн зурһан наstad эцкнь үкжэ* ‘Когда мальчику было шесть лет, его отец умер’ [Хабунова 2021: 390].

Детство и неординарные качества героя

В описании детства юного героя сказитель Шарлда Дорджиев не упускает из виду детали, важные для манифестации личности эпического героя. Необычные качества юного Гесера и особенности его поведения передаются посредством приемов, характерных для сказочной традиции: он проказничает: *Зурһан наstad эцкнь үкэд, тегэд дола орхла, көвүн альвлад, тошурхад бээжэ* ‘После того, как в шестилетнем возрасте умер его отец, мальчик стал проказничать и бездельничать’ [Хабунова 2021: 390].

О чрезмерном аппетите (обжорстве) мальчика имплицитно свидетельствует попрошайничество его матери, вымаливающей у ханской прислуги масло для пропитания сына: *Экнь ода, геснь өлсэд бээхлэ, хаана чигэ кедг эмгнэс одад, тос сурад, иигэд юм ховлглад йовжэ тер* ‘Когда стали голодать, его мать стала часто навещать к старушке, готовившей для хана *чигян* (кисломолочный напиток) и просить у неё масло’ [Хабунова 2021: 390].

Драматизм в биографию юного Гесера добавляет история об изгнании его из страны вместе с матерью, об их скитаниях и бедности: *Тер көвүтэһинь эрлһчктн. Эн орн нутгт бичэ бээлһтн!*» — *гигэд, тер күүкд күүг көөчкнэ. Күүкд кун эргэ-эргэ бээжэ, бийән бултулад, хувцан солад, иигэд уулад*

¹ Здесь и далее дается перевод Е. Э. Хабуновой.

унжад бээһэд бээж 'Избавьтесь от неё и её мальчика. Не оставляйте в этой стране! — было велено, и ту женщину прогнали. Женщина побиралась, прячась, меняя одежду, так и жила горемыкой [букв. обливаясь слезами]' [Хабунова 2021: 390]. Эти факты можно рассматривать как испытания, которые герою следует преодолеть и показать свою готовность для реализации своего особого предназначения. Неприглядный облик юного героя в тексте сказания презентуется через прозвище *тархай* 'паршивец', а его необычные способности изображаются в соответствии с фольклорной традицией и условиями скотоводческого быта, на фоне которого складывается эпический нарратив о Гесере: *Көвүн өсөд иржэ, нээм күрэд иржэ. Цахрин саадг, хаана саадг укрин туһлмуд хэрүлэд бээдг бээжэ. Утар хатмг, нээмн наста көвүн аранникар тачкнулад, хэрүлэд оркхла, туһлмуд һарад идэд, хээкрэд тачкнулад оркхла, хэрү ирэд кевтэд бээжэ* 'Сын подрос, достиг восьмилетнего возраста. Пастелят дойных коров хана и дворовых людей. Когда неказистый [букв. немощный] восьмилетний мальчик размахивал и щёлкал кнутом, телята шли на выпас, когда с криком щёлкал кнутом, возвращались и ложились' [Хабунова 2021: 390].

К типовым сюжетным элементам эпоса монгольских народов следует отнести и другие эпизоды сказания, демонстрирующие «странность» поведения героя-пастушка. К разряду «неординарных» качеств героя отнесем также его проделки и изобретательность, проявление которых позволяет окружающим людям распознать в нём посланца неба: *Хойр өвгн [үзэд]: «Йир акад көвүмб эн, эн акад юмн, эн теңгр йозурта көвүн гижэ кевтэл», — гинэд, хойр өвгн күүндэд бээжэ. <...> дэкэд нег эмгн өвгн хойр йовжэ йовхла: Арнзл мөрнэ толһа олжэ авад, мөөрснднь (нуурснднь? нүһрснднь?) иһэд мод шаачкад: «Чамаг Арнзлын Аран гижэ яһжэ келхви, намаг Алдр Богдын тохм, Деедин үрн гижэ яһжэ келхви?» — гинэд, модан цокад оркжэ* 'Два старика, [увидев] стали обсуждать меж собой: «Очень странный этот мальчик, это очень странно, видимо, он небесного происхождения». <...> проходили мимо старуха со стариком, [мальчик] вдел палку в найденный череп коня-аранзала [оседлав], ударил по палке, приговаривая: «Разве можно называть тебя Аранзлын Аран, разве можно

признать меня небесным сыном, потомком Алдар Богдо?»» [Хабунова 2021: 390–391]. Следует добавить, что проделки пастушка с конем-палкой повторяются трижды перед проходящими мимо стариками. Надо полагать, что их преклонный возраст в представлении сказителя соотносится с их памятью о давности времени, когда были конь Аранзлын Аран и августейший Алдар Богдо, внуком которого считает себя пастушок и трижды пытается убедить в этом других: *<...> дэкэд һурвдад эн: «Чамаг Арнзлын толһа гинэд келэд бэрэд бээхлэг, эмтн намаг эмтн шинжлэд бээнэлм. Би Алдр Богдын ачлм би», — гинэ. Нэ, йовжэ одв* '«<...> в третий раз ударив, сказал: «Когда я, оседлав [букв. придерживая] голову [череп коня], обращаюсь к тебе, как к Аранзалу, люди наблюдают за мной. А я ведь являюсь внуком Алдара Богдо». Ну и ушел восвояси' [Хабунова 2021: 391].

Диалог мальчика-пастушка с конем-палкой, а опосредованно ретрансляцию социуму информации о своем подлинном имени и происхождении, можно рассматривать как вариант мотива, именуемого в рубрикаторе С. Ю. Неклюдова «Чудесные свойства и хитрости героя» [Неклюдов 2019: 69].

Подтверждением того, что сказитель Ш. Д. Дорджиев складывает сюжет своего сказания в рамках калмыцкой устной повествовательной традиции, является аналогичный эпизод, встречающийся и в других повествовательных нарративах калмыков. Например, в «Сказании о сыне Арта Тяяш» («Арта Тээшин көвүнэ тууж») самоидентификации героя, оказавшегося на чужбине, и его воспоминаниям о родине способствует конский череп, найденный им в степи: *Генткн нег хумхаржэ одсн мөрнэ толһа бээсиг үзэд, мөрнэсн бууһад, ташмгин иһэр тер мөрнэ толһаг тоңг-тоңг гинэд цокчаһад уульжадчн, эврәһәрн келэд: «Чамаг Арнзлын толһа гижэ кен медхви, нэмэг Арта Тээшин көвүн гижэ кен медхви? — гинэд уульжэи»* 'Вдруг увидел конский высохший череп, спешил с коня своего и, рукоятью бича *ташмг* легонько постукивая по черепу, заплакал, приговаривая на своем языке: «Кто узнает в тебе голову Аранзала, кто признает во мне сына Арта Тяяши?»» [Хальмгуульс 1974: 248].

Событийность «героического детства» героя в нашем тексте привязана к мотиву

остракизма, повлекшему за собой другие звенья эпического повествования (испытание героя через голод и бродяжничество, проявление необычных свойств, идентификация героя как сына неба).

Действия матримониального характера

Логическим продолжением биографии эпического героя являются его действия матримониального характера, суть которых в сказании сводится к стремлению наказать ханскую дочь за строптивость, а через неё — безжалостного хана-отца, обернувшиеся для Гесера «нежелательной» женитьбой: *Адуһинь авч ирэд, ээрэд, аранник тачнкулад ээрэд бээхлэ, нег бээсн дөнжэ гүн унһина. Бээсн дөнжэ гүн унһхла, унһинь авч ирэд, күүкнэ хормаһинь сэкч бээгэд, геснднь дөрвн көлинь күлэд оркна. «Оо, хаана күүкнэс мөрн унһн һарч!» — гихэд, хээкрэд гүүнэ эн. Одак күүнд оддог күүкн: «Яһлав, авна гисэн ав, авна гисэн ав! Тарха, Тарха наар, наарич, тарха», — гинэ. «Тарха, наар!» гихэд бээнэ, тигэд (бээхлэ) ирнэ. «Авнав гисэн авич, авнав гисэн авич, яһад иһхэд бийим му нернд орулвич?» «Ода авна гихлэ, яахув? Чи вид хойр хот уусн болый. Не, үг болнав»* 'Когда он пригнал ее табун и согнал в одно место, одна кобылка-трехлетка стала жеребиться. Когда трехлетняя кобылица ожеребилась, [Гесер] принёс жеребёнка, задрал подол девушки и привязал его [жеребёнка] к её животу за четыре конечности. И забегал он с криком: «О-о, от ханской дочери родился жеребёнок!». Та девушка, которая не хотела замужества, взмолилась: «Что делать, бери все, что хочешь, бери, что пожелаешь. Тарха, Тарха [шелудивый], иди сюда, Тарха, подойди», и он подошёл к ней. — Бери, что пожелаешь, бери, что хочешь, зачем ты позоришь меня? — Что остается мне, если предлагают взять? Будем считать, что договорились (букв.: разделили пищу). Ну, делаю тебе предложение' [[Хабунова 2021: 391](#)].

Мотив «подсовывания жеребенка под подол» встречается и в других устных нарративах о Гесере (монгольской, тувинской), в других редакциях Гесериады (книжной, ксилографической) [[Неклюдов 2019: 424](#)]. К элементу, имеющему широкое распространение в сказочно-эпической традиции монгольских и тюркских народов, относится и мотив «давки вшей в голове», реали-

зованный в рассматриваемом сказании для демонстрации хитроумных проделок Гесера-пастушка: *Тигэд нег хожжирин [хужжирин] амн деер ирэд, усна амн деер ирэд суучкад: «Наарич, толһадан бөөс нислций», — гижэнэ. Күүкн ирэд сууһад, яһад бээнэ, көвүнэ толһад күүкн бөөс үзэд, күүкнэ толһад көвүн бөөс үзэд, үзжэһэд күүкиг унтулчкна. Күүкн унтжэ одна сор-сор гихэд* 'Как-то, придя к солончаку, присев на берегу водоёма, говорит: «Подойди сюда, давай подавим вшей на голове друг друга». Девушка подошла, присела, стала находить и давить вшей на голове юноши, юноша стал давить вшей, обнаруженных на голове девушки, за этим занятием и усыпил девушку. Девушка уснула, посапывая' [[Хабунова 2021: 391](#)].

В ханской дочери угадываются черты девы-амазонки: она не признает замужество, пасет табун: *Тигхлэ хаана күүкн, күүнд оддог күүкн болжана, аду хэрүлэдл йовдг арвн зурһа арвн нээм күрчкн. Одак көвүн бас арвн зурһа арвн нээм күрчкн болжсахгов тер* 'Тем временем ханская дочь, которой было шестнадцать-восемнадцать лет, не хотела выходить замуж и пасла табун. Тому юноше ведь тоже исполнилось шестнадцать-восемнадцать лет' [[Хабунова 2021: 391](#)].

С. Ю. Неклюдов отмечает в монгольской устной традиции наличие самостоятельного сюжета о встрече богатыря с девой-амазонкой и колдуньей, дочерью хтонического божества, который проник и в книжноэпический свод Гесериады [[Неклюдов 2019: 411](#)]. В других эпизодах анализируемого текста супруга Гесера наделяется негативными чертами: «хитрая», «увертливая», «бесовка», что дает основание предположить, что мотив «мнимая невеста» или «жена, оказавшаяся во власти демонических сил» не реализован в сказании в той мере, чтобы проследить процесс нахождения Гесером подлинной жены. Сказочно-эпической традиции монгольских народов свойственно изображать амбивалентный характер женского образа, чаще в таком амплуа выступают жена и мать.

Не получили должного развития мотивы, связанные с приобретением коня и оружия, с построением дворца. Вместе с тем в эпизодах данной тематики присутствуют элементы, совпадающие с другими пове-

ствованиями о Гесере: конь — Булгин Кер, оружие — лук со стрелами, дворец — белоснежный и без креплений и обвязывающих веревок; локация — безлюдное место; даритель — Хурмуста Тенгри: *Күүкиг дахулад авад йовна Геср богд. Йова-йовж, йова-йова йовж Булгин Кер гидг мөртэ болж. Саадг-та, сумта белн. Күүкиг дахулад йова-йова йовж эжго теегт ирэд, ооср бүч уга ор цаһан өргэ бэрж авад. Ода гериг дуртхла, Теңгрмүд авч ирэд бэрчкдг юмн. Өргэ бэрж авад, бээһэдл бээнэ, бээһэдл бээнэ* 'Гесер богдо, забрав девушку, отправился в путь. Шёл-шёл, шёл-шёл, шёл и приобрел коня Булгин Кер. Лук и стрелы при нём. Шёл-шёл, шёл с девушкой и пришёл в безлюдное место, воздвиг себе белоснежный дворец без креплений и обвязывающих веревок. Когда выпрашивал дом, Тенгри исполнили желание. Воздвигнув дворец, стали жить-поживать, жить-поживать' [Хабунова 2021: 391].

Детали, характеризующие богатырские качества коня Гесера, обрисованы в стилистике калмыцкой сказочно-эпической традиции, в образной системе которой заметное место занимает колодец: *Ода нег йова-йова йовж, нег хээж йовсн залу күрэд ирж, мөрнэ мөрэр мөрдэд. Геср богдын Булгин Кер мөрнэ мөрнь — хатрад оркхла, хуучн худгин орм кевтэ өсрэд йовдг тиим ик арнзл мөрн болжсана. Яа, акад мөрнби! Акад юмби! — (гидэд йова йовтл?) ор цаһан гер үздгнэ* 'Однажды один мужчина из числа тех, кто искал (ханскую дочь), шёл-шёл по следу коня и пришёл. Когда конь Гесера богдо Булгин Кер бежал рысью, то след от копыт коня был глубиной с заброшенный колодец, таков был скакун-великан тот конь. Продолжая путь со словами: «О-о, какой необычный конь! Очень странно!», увидел белоснежный дворец' [Хабунова 2021: 391].

Матримониальные коллизии в сказании показаны эпизодично, но ключевые сегменты, свидетельствующие об особенностях семейной жизни Гесера, о его социальном статусе и богатырских возможностях, в сказании присутствуют: *Геср богдын ирэд суудг ширэ бээнэ. Баатр күн болж бээнэ тер эвртэ Геср богд. <...> хонж бээдго юмнж тенд, күүнэ герт тер <...> энднь [өргән] нег хажуднь бор мах өлгэд, нег хажуднь хан шовун дөрэтнэ (төрлтнэ?), темән дөрэтнэ махн төгэлңг өлгэтэ болнал эн. «Яа,*

акад юмби, иим иим ик аңһудыг яһад бэрэд бээсмб эн?» — гинэд, хан ирэд, тулад 'Есть [во дворце] трон, на который садится Гесер богдо. Тот могущественный Гесер богдо был настоящим богатырем. <...> не остались они вдвоем на ночлег в чужом доме. <...> Когда [хан-тесть] прибыл, то увидел с одной стороны [дворца] развешенные куски филейного мяса, с другой стороны развешено мясо орла. «О-о, как странно, как же он ловил таких крупных зверей? — восклицая так, хан подошел нерешительно' [Хабунова 2021: 392].

Изображение женитьбы Гесера в тексте сказания послужило предысторией других событий, обусловленных закономерностью эпического сюжетосложения. Не забыв обозначить важный момент биографии героя — зрелость, сказитель, возможно, упустил подробности свадебной истории. В рукописи сказания содержатся два последних листа с одинаковой нумерацией «10». На повторной странице, в которой много сокращений (слов, фраз), содержится эпизод о свадебном пиршестве с характерными для данной тематики формулами: *ик кеңкргән цокад, ик алвтан, баһ кеңкргән цокад, баһ отган дуудад оркна; маля даахарн мордад һарад ирнэ* 'ударили в большой барабан, собрали подданных большого *отога*, ударили в малый барабан, собрали подданных малого *отога*; отправились все, кто мог поднять плетку'.

Гесер и обустройство мира

Фрагментарность изображения брачных приключений как бы подчеркивает важность последующих событий, связанных с основной миссией Гесера — избавить средний мир от холода, освободить землю от демонической силы. В сюжетной схеме сказания повторяется элемент об обособленности Гесера: вынужденная изоляция от социума в детстве и уединение вместе с супругой во дворце, сооруженном [Хурмуста Тенгрием] в безлюдном месте, отказ от приглашения хана-тестя, от ночлега в «чужом» месте: <...> *эжго теегт ирэд, ооср бүч уга ор цаһан өргэ бэрж авад <...> — О-о, аав зергэс, би үүнэс һарч йовж чадигов. Түүнд амтнэ хэргән шууганд үжжс одхв. <...> хонж бээдго юмнж тенд, күүнэ герт тер* ' <...> пришёл в безлюдное место, воздвиг себе белоснежный дворец без креплений и обвязывающих веревок <...> — О-о,

ваша светлость отец, я не смогу уйти отсюда. Там я не вынесу людского шума и толчеи (умру). <...> не остались там на ночлег в чужом доме» [Хабунова 2021: 392].

Можно предположить, что таким образом сказитель Ш. Д. Дорджиев изображает мир Гесера, «очищенный от демонической скверны» [Неклюдов 2019: 409], пространство, в котором возможен контакт с небожителями и в котором удастся скрыть от демонизированного мира свой подлинный облик и истинное предназначение. Дворец, где происходит тайная встреча Гесера с Хурмуста Тенгрием, также воздвигнут в месте, удаленном от посторонних глаз: *Сө күрч ирэд, күүкн арһул терзәрнь, үүдәр хэләнә. Хэләчкэд, хару цохрад, һарад: «Акад юмби, иим гер яһад бәрәмб, иим юм яһад бәрәмб? А-а, теңгрімүд иржәл»* 'Подойдя ночью, девушка осторожно заглянула в оконце, в дверь. Подсмотрела, отпрянула, подумав: «Удивительно, как удалось построить такой дом, как можно такое соорудить? Ага, Тенгрии побывали»' [Хабунова 2021: 392].

Дальнейшая разработка сюжета сказания связана с мотивом землеустройства, с попыткой устранить холод с помощью небесного отца Хурмуста Тенгрия. Неудача объясняется вмешательством жены-бесовки, выследившей его ночные исчезновения, подглядевшей встречу Гесера и Хурмуста Тенгрия, тем самым нарушившей таинство разговора, суть которого заключалась в просьбе Гесера к Хурмусте Тенгри — устранить холод, сбросив лишнюю звезду плеяды Семь Сестер с помощью его золотого аркана: <...> *Хурмстн Теңгр зергин алтн цалмиг сурж авхар Геср богд йовсн болжсана.* <...> *Хурмст Теңгрин гегәнь цаараннь, алтн цалм дорас хайхла, тегэд күрч, тер мөчд цалм орулж, уһах юмнж.* <...> *Эн орн-нутгт киштн (кишт) бәәлһх, эн орн-нутгт иим йосар, иим дүрәр бәәлһхин төләд, учрж һарч ирсн күүкд күн болжсана тер* ' <...> получается, что Гесер богдо уходил, чтобы выпросить у Хурмусты Тенгрия [светлейшего?] золотой аркан <...> После того, как аркан будет заброшен снизу [с земли], светлейший Хурмуста Тенгри, добравшись [до верхнего мира], должен был накинуть аркан на ту [звезду] из плеяды и сбросить вниз. <...> Значит, та женщина была рождена для того, чтобы в этом мире было холодно, что-

бы этот мир жил по таким законам, таким образом» [Хабунова 2021: 392].

В этом эпизоде встречается распространенный фольклорный мотив о ночных исчезновениях героя и слежки за ним с помощью клубка нитки: *Солһ һарарн хар цохр утциг төмэд (томад?), икл гидг ут ути төмэд, төгэд (төсэд?) ораһад авчкна.* <...> *Хан нег сө һарад йовхлань, хормаднь хатхчад, хувцан белдж авад, «Йир хама оддгч эн?» — (гидһад), арднь дахад гүүж йовна күүкн* 'Свила левой рукой очень-очень длинную нить из черно-пестрой нитки, скрутила, собрала в клубок. <...> Однажды, когда хан уходил ночью, приколола [конец нитки] к его подолу, взяла приготовленную одежду и побежала следом за ним, приговаривая: «Куда же он пойдет?»» [Хабунова 2021: 392].

Несмотря на то, что в сказании явно просматривается обособление отдельных сюжетных звеньев — «матримониальная история» и «обустройство мира (устранение холода)», эти два слагаемых составляют один завершённый сюжетный ход, поскольку в действиях, направленных на восстановление «гармонического миропорядка», супруге Гесера отведена негативная роль.

Тема демоноборчества

Разработка двух автономных тем (свадебная и воинская) в рамках двух самостоятельных сюжетных ходов свойственна малым эпическим формам [Неклюдов 2019: 59–60]. Вторая сюжетная линия сказания связана с темой демоноборчества, послужившего причиной второго пришествия Гесера на землю в облике богатыря. Именно в этой «сюжетной теме» присутствует демонический персонаж Анжлула (модификация имени Андулма в локальной устной традиции), вокруг которого сформировался сюжет о демоноборчестве в нарративах о Гесере различной жанровой, стадийной, этнической принадлежности. Калмыцкий сказитель Шарлда Дорджиев сохранил в памяти типовую ситуацию о противостоянии Гесера с демоном и воспроизвел её содержание в своей интерпретации, используя свой индивидуальный набор поэтико-стилевых приемов.

Согласно «версии» Ш. Д. Дорджиева, предназначением Гесера-богатыря является очищение земли от размножившихся на земле дневных бесов, олицетворением которых

являются Анжлула и его супруга, а местом истребления основного противника — священная гора: *Хөөннь Геср богд дэкад төрэд, дэкад Геср богд болж ирсн, Геср биш Богд гидг баатр болжана тер. Эн өдрин шулм дегд ик болад, Богд гидг назрт иржэ болдг. Анжлула гидг кун иржэ төржэ* 'После Гесер-богдо вновь переродился, вновь появился как Гесер-богдо, не просто Гесер, а Богдо, богатырь был он. Появился он в местности Богдо из-за того, что дневных бесов стало слишком много' [Хабунова 2021: 393].

Анжлула и его супруга являются воплощением зла и насилия, они наделяются свойствами, характерными для демонических персонажей: неуязвимость, оборотничество, чудовищная физическая сила: *Цаста уул деер иржэ бээсмн. Анжлулын хатн (бас) иржэ төржэ, йирн йисн шулмин идиг авсн, йирн йисн хуврлһтэ хатн болжэ иржэ төрсмн хоюрн* 'А на горе Цаста Уула, переродившись, появился человек, которого звали Анжлула. Жена Анжлулы появилась, переродившись в ханшу, вобравшую в себя чары девяности девяти бесовок, имеющая девяносто девять воплощений, появились они вдвоем, перевоплотившись' [Хабунова 2021: 393].

Эпизод поединка Гесера с Анжлулой изобилует совпадениями с известными сюжетами об Андулме: в нашем тексте четко обозначена полярность миссии двух противоборствующих сил: миротворческой — Гесера и демонической — Анжлулы. Непохожесть и враждебность двух персонажей находит в сказании пространственное разрешение: Гесер в своем новом богатырском воплощении появляется на святой горе Богдо, его противник — на снежной горе Цаста Уул, и, находясь в этой позиции, противники пытаются сразить друг друга стрелой из лука: *Цаст уул деер өрүн маңһрла <...> Анжлула һарад зогсхла, Геср богд Богд уул деерэс саадгарн хажэ, Богд уул деерэс Цаст уулд күрэд, саадгин сумн күрэд, шууһад оркхла, Анжлула хажуднь һэрэдэд бууһад оркхла, бээсн уулыг хойр эңг кеһэд* 'Когда Анжлула ранним утром появился на горе Цаста Уул <...> Гесер богдо с горы Богдо Уул выпустил стрелу, когда стрела с горы Богдо Уул долетела до горы Цаста Уул со свистом (шумом), Анжлула спрыгнул и оказался сбоку (у) горы, [стрела] рассекла гору на две части' [Хабунова 2021: 393].

Как и в других устных повествованиях о Гесере, на исходе поединка с неуязвимым противником герой анализируемого текста прибегает к расчету и хитрости: *Анжлулаг хахла, саадгин сумн оржэ тусиго, хоолын товчнь төдгләтэ. Геср богд ирэд зогсчаһад: «Эвэр авхмн энүг» — гиһэд* 'Если выстрелить в Анжлулу, стрела не пронзит, так как на горле пуговицы застегнуты. Гесер богдо приблизился и подумал: «Надо взять его ловкостью»' [Хабунова 2021: 393].

В рассматриваемом нарративе герой и его противники наделяются богатырскими качествами, присущими персонажам многих сказочно-эпических повествований монгольских народов [Неклюдов 2019: 66–71]: земля содрогается под их ногами, они неуязвимы, они свободно перемещаются в пространстве трехмирия, способны к превращениям: *Хар һалзн бух болад, мөрнәсн бун оркад, хээкржэ Анжлула үүнүр гүүнэ Геср богд улан һалзн бух болад, хоюрн ноолдад одна* 'Анжлула соскочил с коня, вмиг превратился в черного с лысиной быка и с ревом кинулся на него [Гесера-богдо]. Гесер-богдо превратился в красного с лысиной быка, стали оба сражаться' [Хабунова 2021: 393].

Типовым элементом в сюжетах об Андулме является участие родственников Гесера (отец, сестры, брат) в борьбе с его врагами. Как и принято в устной традиции, имена этих персонажей часто варьируются, в сказании Шарлда Дорджиева небесным братом Гесера является Санджи: *Эн хоюрн ноолдад, ноолда-ноолда бээжэ, Геср богд толһаһан нуһлад иржэ. Хурмст Теңгр дедин орнас ээлдэд: «Санжэ, Санжэ, бослчн, дордын орнд одсн нег му дуучн туржэ йовна. Укс гилч, һарлч, саадган ав!» — гинэ* 'Бились, бились, бились вдвоем, стал Гесер богдо свою голову сгибать. Хурмуста Тенгри в верхнем мире понял это и сказал: «Санджи, Санджи, поднимайся, в нижнем мире твой бедный младший брат нуждается в помощи (бедствует). Поторапливайся, возьми свой лук!»' [Хабунова 2021: 393].

В других калмыцких сказаниях о Гесере небесный брат именуется как Зеся Шикр (*Зесэ Шикр*) [Хальмг туульс 1968: 204; Хальмг туульс 1972: 180], Зека-шикр (*Зекэ-шикр*) [Алtn зүн темн 1995: 118–119].

В сказании Шарлда Дорджиева несовпадение проявилось и в обозначении имени демонического персонажа (Анжлула), ко-

торый во всех опубликованных калмыцких устных нарративах назван идентично имени аналогичного героя (*Андлм, Андулма*).

Эпизод о попытке Гесера устранить холм на земле с помощью Хурмусть Тенгрия также отсутствует во всех калмыцких устных сказаниях, опубликованных в разное время [Хальмг туульс 1968: 190–198, 203–205; Хальмг туульс 1972: 175–181; Хальмг туульс 1974: 8; Алтн зүн темн 1995: 107–118; 118–119; Хуучн үгд 2018: 73–76].

Заключение

Исследование показало, что «Сказание о Гесере-богдо» («Геср богдын туск тууж») представляет собой самостоятельный сюжет, сложенный из звеньев, связанных между собой содержательно и выстроенных сказителем Ш. Д. Дорджиевым в той последовательности, в какой обычно складывается эпический сюжет.

Литература

- Алтн зүн 1995 — Алтн зүн темн [= Золотая игла]. Сказки / сост. Э. К. Лиджиев. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1995. 119 х.
- Борджанова 1978 — Борджанова Т. Г. О жанровой специфике монголо-ойратского героического эпоса // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 15–24.
- Дамдинсүрэн 2013 — Дамдинсүрэн Ц. «Гэсэр судлал»-ын түүхээс / оршил бичиж хэвлэлд бэлтгэж нягталсан: А. Д. Цендина, Д. Цэдэв. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2013. 558 х.
- Дамринжав 2006 — Балжаан Дамринжав. Ойрадын баатарлаг үлгэрийн судлал. Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2006. 358 х.
- Кичиков 1978 — Кичиков А. Ш. О тууль-улигерном эпосе (к постановке вопроса) // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 3–6.
- Кичиков 1992 — Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар»: Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 318 с.
- Михайлов 1971 — Михайлов Г. И. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста: КНИИЯЛИ при Совете Министров Калм. АССР, 1971. 235 с.
- Неклюдов 1984 — Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). М.: Наука, 1984. 310 с.
- Неклюдов 2019 — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Овалов 2004 — Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (Опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.
- Пропп 1928 — Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: ACADEMIA, 1928. 151 с.
- Путилов 1988 — Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 223 с.
- Путилов 1997 — Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М.: Вост. лит., 1997. 295 с.
- Селеева 2019 — Селеева Ц. Б. Сказание «О Гэсере Богдо хане» в фольклоре калмыков // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 230–252. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-230-252
- Хабунова 2021 — Хабунова Е. Э. «Сказание о Гесере-богдо» в записи от Шарлда Дорджиевича Дорджиева, 1893 г. р.: общая характеристика, текст, комментарий // Монголоведение. 2021. № 2. С. 382–398. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-382-398
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. 2-гч боть / запис. от сказителя Санджи Манджикова А. Ц. Бембеевой; отв. ред. М. Э. Джимгиров. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1968. 266 х.
- Хальмг туульс 1972 — Хальмг туульс. 3-гч боть / сост. Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элиста: Респ. тип. Управл. по печати при СМ КалмАССР, 1972. 251 х.

Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс. 4-гч боть / сост. Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкина. Элст: КНИИЯЛИ, 1974. 274 х.

Хуучн үгд 2018 — Хуучн үгд худл уга. Кеерин хурангу материал. Истина древней словесности. Коллекция экспедиционных материалов / сост., авт. вступ. стат. на калм. яз. Е. Э. Хабунова. Элст: НПП «Джангар», 2018. 399 с.

Цэцэнбат 2015 — *Цэцэнбат Цэцэнбат*. «Гэсэрийн тууж» дахь бурхны зарлигийн учир //

Дундад улсын монгол судлал. 2015. № 3. X. 71–76.

Heissig 1979 — *Heissig W.* Die mongolischen Heldenepen: Struktur und Motive. Obladen: Westdeutscher Verlag. 1979 (Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Vorträge, G 237). S. 10–11.

Poppe 1979 — *Poppe N.* Zur Erforschung der mongolischen Epen motive // Die mongolischen Epen. Bezüge, Sinndeutung und Überlieferung (Ein Symposium). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1979. S. 32–34.

References

Bordzhanova T. G. Heroic epic of Oirat Mongols: Genre specifics revisited. In: Typological and Artistic Peculiarities of *Jangar*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. Pp. 15–24. (In Russ.)

Damdinsüren Ts. Epic of Gesar: History of Research. A. Tsendina, D. Tsedev (foreword., comp.). Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2013. 558 p. (In Mong.)

Damrinjav B. Studies of Oirat Heroic Tales. Beijing: People's Publ. House, 2006. 358 p. (In Mong.)

Dzhimgirov M. E. (ed.) Kalmyk Folktales. Vol. 2: Folktales Recorded from Taleteller Sandzhi Mandzhikov by A. Ts. Bembeeva. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 266 p. (In Kalm.)

Heissig W. Die mongolischen Heldenepen: Struktur und Motive. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1979. Pp. 10–11. (In Germ.)

Khabunova E. E. (comp., etc.) Reliable Truths of Ancient Narratives. Collected expeditionary materials. Elista: Dzhangar, 2018. 399 p. (In Kalm.)

Khabunova E. E. The Legend of Gesar Bogdo recorded from Sharlida Dordzhiev (Born 1893): General description, text, commentary. *Mongolian Studies*. 2021. No. 2. Pp. 382–398. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-382-398

Kichikov A. Sh. About tuul-uliger epic: Posing the question. In: Typological and Artistic Peculiarities of *Jangar*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. Pp. 3–6. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. The Heroic Epic of Jangar: A Comparative Typological Study of the Monument. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1992. 318 p. (In Russ.)

Lidzhiev E. K. (comp.) The Golden Needle. Folktales. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 119 p. (In Kalm.)

Mikhaylov G. I. Issues of Mongolic Folklore. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. 235 p. (In Russ.)

Musova N. N., Okonov B. B., Muchkinova E. D. (comps.) Kalmyk Folktales. Vol. 3. Elista: Kalmyk ASSR Council of Ministers (Printing Affairs Dept.), 1972. 251 p. (In Kalm.)

Neklyudov S. Yu. Heroic Epic of Mongols: Oral and Literary Traditions. Moscow: Nauka, 1984. 310 p. (In Russ.)

Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Epic — Bookish and Oral Ones. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)

Okonov B. B., Muchkinova E. D. (comps.) Kalmyk Folktales. Vol. 4. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. 274 p. (In Kalm.)

Ovalov E. B. Typology of Motifs and Plots in Mongolic Epic Traditions: A Comparative Typological Study. Elista: Dzhangar, 2004. 184 p. (In Russ.)

Poppe N. Zur Erforschung der mongolischen Epen motive. In: Die mongolischen Epen. Bezüge, Sinndeutung und Überlieferung (Ein Symposium). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1979. Pp. 32–34. (In Germ.)

Propp V. Ya. Morphology of Folktales. Leningrad: Academia, 1928. 151 p. (In Russ.)

Putilov B. N. Heroic Epic and Reality. Leningrad: Nauka, 1976. 223 p. (In Russ.)

Putilov B. N. Epic Taletelling: Typology and Ethnic Specifics. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 295 p. (In Russ.)

Seleeva Ts. B. The Legend about Gesar Bogdo Khan in Kalmyk folklore. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019. No. (3). Pp. 230–252. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-230-252

Tsetsenbat Ts. «Geseriyn tuuzh» dakh' burkhny zarligiyn uchir. *Dundad ulsyn mongol sudlal*. 2015. No. 3. Pp. 71–76. (In Mong.)

